

Весці

Беларускага дзяржаўнага педагогічнага
універсітэта імя Максіма Танка

№ 4 (38) 2003

Штоквартальны
навукова-метадычны часопіс
Выдаецца з чэрвеня 1994 г.

Змест

Галоўны рэдактар:
П. Дз. Кухарчык

Рэдакцыйная калегія:

Н. Г. Алоўнікава
В. А. Бондар
(нам. галоўнага рэдактара)
В. В. Бушчык
Ю. А. Быкадораў
(нам. галоўнага рэдактара)
М. С. Вайтовіч
А. М. Вігчанка
К. У. Гаўрылавец
А. А. Гіруцкі
Т. А. Грыгор'ева
Л. М. Давыдзенка
М. М. Забаўскі
В. Б. Кадацкі
Я. Л. Каламінскі
У. М. Калюноў
Л. В. Камлюк
Л. А. Кандыбовіч
П. В. Кікель
Н. І. Копысава
(адказны сакратар)
Г. А. Космач
А. М. Пюты

Весці БГПУ
№ 4. 2003

Педагогіка

- Тэся А. І. Вышэйшая адукацыя як гуманітарны і сацыяльны капітал 3
Краўчэня Э. М. Роля вучэбна-метадычнага комплексу ў рознаўзроўневай
педагогічнай адукацыі 7
Саўчанка Н. В. Аб дыдактычным забеспячэнні камунікатыўнай падрыхтоўкі
будучых настаўнікаў пачатковых класаў 9
Шорэц В. У. Мадэль працэсу фарміравання даследчай культуры студэнтаў 12
Вадзінскі Д. І. Некаторыя характарыстыкі розуму (нататкі педагога) 15
Фаміна М. М. Спецыфіка крэатыўнасці педагогічнай дзейнасці 17
Страх С. П. Стан сістэмы даінстытуцкай падрыхтоўкі будучых настаўнікаў у
Беларусі ў 80-х гг. XX ст. 19
Бурдыка Н. А. Аб магчымасцях удасканалвання навыкаў чытання 22
Каравай І. У. Актualізацыя прагрэсіўных педагогічных ідэй беларускіх
асветнікаў XVI ст. 24

Псіхалогія

- Палякова І. Ю. Ідэагенез у кантэксте сусветна-гістарычнага руху псіхалагічнага
пазнання 28
Калашнікава І. М. Роля сэнсажыццёвых арыентацый у самарэалізацыі
дарослага чалавека 34
Оловнікова Н. Г. Лингвометодические и психологические концепты
интерактивного обучения иностранным языкам в условиях непрерывной
подготовки педагогических кадров 39
Рожина Л. Н. Искусство как средство психологического воздействия на
личность 41
Гарбатава А. У. Псіхалага-педагогічныя аспекты праблемы развіцця дзіцячай
выяўленчай творчасці 44
Барсукова Ж. А., Панько Е. А. Вывучэнне сацыяльна-псіхалагічнай
назіральнасці спецыялістаў дашкольнай адукацыі 47
Мнишкур Е. С. Психологическая защита — одна из форм эмоционального
реагирования 51
Шлыкава Т. Ю. Стымуляванне ўсведамлення падлеткамі прычын поспехаў і
няўдач 55
Шлыкава Т. Ю. Залежнасць выбару падлеткамі стратэгі паводзін ад
усведамлення імі прычын сваіх поспехаў і няўдач 58

Мовазнаўства

- Радзіваноўская Н. А. Да пытання структурна-граматычнай класіфікацыі
айконімаў, суадносных з назвамі расліннага свету 63
Портнова А. В. Заимствованная абстрактная лексика в русском и белорусском
языках XIV—XVIII вв. 64
В. Из истории изучения метафоры 66
овская Е. Н. Еще раз о проблеме будущего времени в английском языке 69

Літаратуразнаўства

- гая М. Ф. Упоравень з часам. Літаратурны партрэт Алеся Якімовіча
дзя з дня нараджэння) 73
і Я. А. Суадносны дынамікі і статыкі ў рамане Кузьмы Чорнага «Сястра» 76
В. Г. Цветовые акценты и другие неслучайные детали в романе
евского «Преступление и наказание» 80
П. М. Психофоносемантический аспект конкретной поэзии Э. Яндля 82

Філасофія

- ая І. М. Эколага-гуманістычны імператывы у постіндустрыяльную эпоху 86

АРК

Беларусі. Укараненне ў сельскагаспадарчай мануфактурную вытворчасць перадавых тэхналогій і абсталявання надавала ёй неабходныя імпульсы для далейшага развіцця. Разам з тым шляхтай імпартаваліся ў значнай колькасці тавары невытворчага прызначэння, з якіх лічыліся прадметамі раскошы. Імпартаваўся з падобнай сацыяльнай з'явай было і вывезена весці рэпрэсіўнымі метадамі.

Аднак падобны падыход да вырашэння гэтай праблемы быў асуджаны на прарок. Гэты падыход не толькі ў тым, што «кожны, кіруючыся гэтым звычаем, ці то забабонамі, купляў тое, што прывозілася з Францыі альбо Германіі, і не думаў тым, што выраблялася ў Польшчы» [129]. Дададзім, што «забароны, якія абмежавалі гандаль, нават калі і прыносяць выгоду для краіны, з'яўляюцца шкоднымі для яе» [13, с. 26]. Гэтыя меры дапушчальныя, калі яны з'яўляюцца элементам мэтанакіраваных структурных рэформ. У адваротным выпадку яны могуць не столькі прадухіляць неабходныя тэндэнцыі ў эканоміцы краіны, колькі і перашкоджаць. У другой палове XVIII ст. ураду Паспалітай і бракавала сістэмнасці і паўнамоцнасці ў мерапрыемствах, што тычыліся імпартнай дзейнасці.

ЛІТАРАТУРА І КРЫНІЦЫ

1. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 1.
2. Polska. Wybór tekstów. Warszawa, 1954.

3. Kotarski E. Publicyści o Gdańsku w przeddzień obrad Sejmu Wielkiego // Rocznik Gdański. 1983. Z. 1. T. XLIII.
4. Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мн., 2001.
5. Кандратовіч А. А. Сувязі з рынкам сялян Беларусі ў другой палове XVIII ст. // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. Мн., 2002. Вып. 2.
6. НГАБ, ф. 295, воп. 1, с. 5.
7. Мелешко В. И. К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. // Советское славяноведение. 1969. № 2.
8. РДГА ў Санкт-Пецярбурзе. ф. 1350, воп. 312, с. 90.
9. НГАБ, ф. 3267, воп. 1, с. 15.
10. Гісторыя сялянства Беларусі. Мн., 1997. Т. 1.
11. Козловский П. Г. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. (центр и зап. зоны). Мн., 1974.
12. Белоруссия в эпоху феодализма. Об док. и материалов: В 3 т. Мн., 1960. Т. 2.
13. Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Kraków; Warszawa, 1897. T. 2.

SUMMARY

The article considers the problem of the import's influence on the economic development of Belarusian lands in the second part of XVIII century. The views of the famous scientists and statesmen on this problem are analyzed in the article too. Also the article compares negative and positive influences on the economy of Belarus, on the individual kinds of import goods.

Н. И. Минуцкий

«ЗНЕИДА» И «БИБЛИЯ»: ВИДЕНИЯ АПОКАЛИПСИСА

(эмоционально-смысловая доминанта текста)

«Лингвистический поворот» в современном источниковедении вполне объяснимое, междисциплинарное явление как с точки зрения самого источниковедения, так и с позиций методов исторического исследования. В связи с этим текст представляет собой «средство построения законов строения и функционирования человеческого языка», а также «средство выявления внутренних механизмов строения общества» [11, с. 138]. В лингвистике текст интерпретируется как «высшая форма системной организации, содержащая сообщение о состоянии мира, созданная по замыслу автора, функционирующая композиционным, семантическим и стилистическим единством, обработанная в

соответствии со стилистическими нормами и функциями языка» [5, с. 8]. Лингвисты все более склоняются к психолингвистическому анализу текста, который позволяет дополнить структурно-функциональный анализ текста выяснением направленности текста «на мир, на читателя».

Преимущественно рациональное восприятие текстов дает структурно-функциональный анализ текста. Под структурой текста обычно подразумевают «некоторую упорядоченность внутри каждого текста, соответствующую: а) логике коммуникации — целям и намерениям автора, учитывающего и логику восприятия текста реципиентом; б) логике отраженного в тексте мира; в) логике описания, то есть

внутренней логике самого текста; в) соответствие законам знаковой системы» [5, с. 27]. Кроме восприятия логики текста важной характеристикой текста является его эмотивная направленность. Отсюда основная направленность изучения текста получила название эмоционально-смысловой доминанты. «Под эмоционально-смысловой доминантой... понимается система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [3, с. 57].

Исходя из этого, предметом исследования являются рациональные и эмоциональные аспекты взаимодействия текста и читателя. Предметом непосредственного анализа станут картины видений апокалипсиса в «Энеиде» Вергилия и «Библии». Изучение подобных аспектов позволит выявить новые специфические черты античных и христианских апокалипсических представлений, содержащихся в шестой книге «Энеиды» [4] и «Откровении святого Иоанна Богослова» [8, с. 1325—1346]. Непосредственному анализу подлежат фрагменты, относящиеся к изображениям картин ада и рая. Мы намерены также затронуть фрагменты аналогичного содержания из «Апокалипсиса Петра» [1, с. 215—217].

Исходная структура шестой книги «Энеиды» содержит три круга представлений — о теньях гомеровского царства мертвых, затем о загробном суде с вечными муками Тартара («ада») для преступников и с вечным блаженством Элисия («рая»), наконец об «очищении» душ после смерти для их нового «воплощения» [12, с. 362]. Завершается книга обширным «смотром душ»: Эней созерцает будущих деятелей Рима, создателей римской великодержавности. Для нас особый интерес представляет вопрос о характере преступлений и составе преступников. Ответ на него мы находим в описании первого круга представлений. Более подробный анализ текста позволяет выявить следующих обитателей подземного царства. Это «бескровные тени» душ младенцев (6 : 426), погибшие от лживых наветов (6 : 430), самоубийцы (6 : 435). На «полях скорби» находятся души, погибших от любви (6 : 442). На краю равнины находился «приют воителей славных» (6 : 478), которые умоляют богов о воздаянии за бесчестье (6 : 530).

Второй круг представлений — это картины казни тех, кто виновен, кого постигли «возмездья богов» (6 : 565). Кто же наказан? Это некие злодеи, которых Тезефона хлещет бичом у первого чертога (6 : 570—577). Затем на дне Тартара претерпевают муки титаны за то,

что «посягнули взломать руками небесные врата» (6 : 583). Их замысел — изгнать правителя и лишить высокого царства — великое преступление перед богами (6 : 584). А восторженное наказание Салмоню за то, что подражал Юпитеру, требовал себе поклонения как богу (6 : 585—591). Титий наказан подобно Прокрусту: «коршун ему терзает бессмертную плоть» (6 : 697). Наказаны лапифы — мифические существа. За реальные преступления наказаны люди, совершившие насилие над своими братьями, отцом (6 : 608). Далее перечисляются преступления, имеющие социальный характер: наказание за бесчестие по отношению к клиентам, излишнее стремление к богатству (6 : 609—611).

Кратко упоминается о наказании за бесчестие брачного ложа (6 : 612), и автор вновь обращается к социальному мотиву преступлений. Наказаны восставшие дерзнуть на штурм: одни бессмысленно катят камни, другие — распяты на спицах колес (6 : 615—617). Не наказаны без наказания и власть предержащие: продавшие тирану власть за золото и изменившие за мзду произвольно законы (6 : 620—622). Как видим, характер преступлений четко подразделяется на преступления против богов, людей и властей. Явного предпочтения одного из видов преступлений не ощущается. Общая картина носит реалистический характер и упоминает общие черты отношений между богами и людьми гесиодовского повествования о смене человеческих поколений. По Гоэру, главные мотивы преступлений — это непочтение богов, постоянные раздоры между людьми, отсутствие разума у них.

Сравним картины ада «Энеиды» и «Апокалипсиса Петра», фрагмента пергаментной рукописи, найденной в Верхнем Египте. В «Апокалипсисе Петра» обращает внимание отсутствие указаний на место локализации расположения «места наказания». Оно находилось «вне этого мира», напротив рая, и было очень мрачным. Наказывают не мифические существа, а ангелы, одетые в темные плащи (1 : 21). «Хулившие путь справедливости» повешены за язык и их мучит пылающий огонь. Аналогичному наказанию были подвергнуты и извращавшие справедливость (1 : 22—23). Далее идет перечень наказаний за отклонение от нравственных норм поведения и преступления против человечности: прелюбодеяние, убийство, внебрачное зачатие и прерывание беременности. Наказанию подвергаются люди, преследовавшие справедливых и предавшие их (1 : 25327). Затем автор вновь обращается к наказанию людей, поносивших и хуливших путь праведный, также наказывали лжесвидетели

твой (1 : 28—29). Их пытали огнем и распятым железом. Вновь встречается наказание по социальным мотивам. Богачи, не пожалевшие сирот и вдов, катались в муках по конечникам копий. Иначе, но не менее сурово, были наказаны ростовщики (1 : 30—31). Затем следует наказание за однополую любовь. Наконец, наказание за преступления против бога: почитание идолов вместо бога и непознание пути бога (1 : 33). Общие мотивы преступления: нарушение праведности, отклонения против общепринятых норм человеческого поведения и действия против богов. Как видим, характер и соотношение видов преступлений в «Апокалипсисе Петра» схож с «Энеидой» Вергилия. В обоих источниках ничего не говорится о предполагаемом спасении. В качестве главного судьи не выступает верховное божество. Время наказания бесконечно. Прощения преступникам не предвидится. Преступления перед богами не играют первенствующей роли.

Обратимся к картинам наказаний из «Откровения святого Иоанна Богослова» («Апокалипсис») [8, с. 1325—1346]. Какие наказания ждут людей в «великий день гнева Его»? Об этом свидетельствуют «печати Агнца». Прежде чем люди будут лишены мира и спокойствия: «каждому на рыжем коне было «дано взять мир от земли», чтобы люди «убивали друг друга» (8 : 3). Смерть предназначалась для четвертой части земли: была дана власть «умерщвлять голодом и голодом, мором и зверями земными» (8 : 7). Не только людей, но и природу ждут наказания: великое землетрясение, затмение солнца, падение звезд. Будет наказан всякий: «и земные, вельможи, богатые, рабы, свободные». Сравним с известным мотивом: «Перед богом все равны, нет ни зллина, ни иудея, ни самаритянина». Далее мотив наказания в «Апокалипсисе» прерывается оригинальной историей о спасенных сто сорока четырех тысячах из всех колен сынов Израилевых» (7 : 4).

Но настоящие бедствия наступят, когда истребят семь ангелов. Людей постигнут самые страшные наказания: падение на землю льда и огня, смерть третьей части «одушевленных тварей», падение звезды «попынь», превращение третьей части моря в кровь, падение третьей части солнца и луны (8 : 7—11). В дополнение ко всем бедам невиданная «печать Божией на челах своих» (9 : 3—11). В результате третья часть людей умрет. Кого же постигнет такая суровая кара? Только те, кто не раскаялся, тех, кто поклоняется каменного рода бесам и идолам, совершает

убийства, чародейства, блудодеяние и воровство (9 : 20—21).

Очевидно возрастание меры наказания и изменение характера вины. Увеличивается ответственность за преступления перед богом, но земные грехи лишь только перечисляются. С развитием основных событий, излагаемых в «Откровении», драматизм отношений между богом и людьми возрастает. Обстановка усугубляется временной властью дракона. При нем убиваем всякий, кто не будет поклоняться образу зверя (13 : 15). Наконец наступает время новых и последних наказаний. Ангелам было приказано идти и вылить семь чаш гнева Божия на землю (16 : 1). Наказаны преимущественно те, кто поклоняется образу зверя. Степень наказания по сравнению с предшествующими — наивысшая: умерло все одушевленное в море. Все, а не треть, воды рек и источников сделались кровью за то, что была пролита кровь святых и пророков. Жег сильный зной хулителей бога. К тому же их постигли разные страдания за то, что не раскаялись в грехах своих (16 : 1—11).

Наступает кульминация — решительное сражение с драконом и его войском — Армагеддон. Сделалось великое землетрясение и пал город великий Вавилон. Пал Вавилон «великая блудница» за то, что стал пристанищем бесов и нечистому духу (18 : 2). Мотив наказания: кровь святых, пророков и убитых на земле (18 : 24). Зверь и лжепророки были брошены в озеро огненное, а прочие преступники убиты (19 : 19—21). Затем произошло воскресение тех, кто не поклонился зверю и таким образом не совершил преступления перед богом (20 : 4). Через тысячу лет состоится окончательная схватка с дьяволом и его воинством. Состоится суд, и все они будут повержены в «озеро огненное и серное». Будут уничтожены боязливые, неверные, любодее, чародеи, идолослужители и лжецы (21 : 8). Кто же спасется и будет жить в святом городе Иерусалиме? «Те, которые соблюдают заповеди Его», только они имеют право на жизнь. «Вне — псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (Откр. 22 : 15).

Становится очевидным, что финальная схватка между Иисусом и дьяволом есть отражение сути конфликта между богом и людьми. В христианской религии главное преступление людей — это преступление перед богом. В античной религии преступления перед богом не получают абсолютного значения, они существуют наряду с преступлениями против людей. Такова логика самого текста.

Теперь обратимся к его эмотивной направленности, а также к эмоциям, которые возникают у адресата, на которого направлен этот текст. Исследуя эту сторону, историки находят, что «религиозные проповедники обращались прежде всего к чувству верующих, убеждая их не логикой, а вдохновением» [9, с. 218]. Рационально-логическое восприятие текста не дает ответов на «многозначную образность», которая «заставляла слушателей не понимать смысл, а догадываться о нем» [9, с. 218]. На наш взгляд, подобные замечания содержат большой научный потенциал, поскольку приводят к новой стороне исследования. В силу этих обстоятельств необходим поиск того, что объединяет логику и эмоции. Необходимо обнаружить оценочно-экспрессивные и личностно-эмоциональные средства этого объединения. Главный вопрос, который здесь возникает: каким образом реализуется эмотивная функция текста, делающая его побудительным? Каковы средства и последствия реализации побудительного сообщения?

Нам представляется возможным утверждать, что связь рационалистического и эмоционального восприятия текста может быть выражена логикой убеждения. Механизм логики убеждения состоит из следующих актов: а) рассказ о том, как обстоят дела; б) обязательство говорящего нечто сделать; в) попытка заставить других нечто сделать; г) попытка изменить внешний мир посредством слова; д) выражение чувств и установок [10, с. 252—253]. Сюжетная линия «Откровения» идеально совпадает с этой логической структурой. Внешняя текстовая форма и внутренняя логика содержания соответствуют логике целей. Ее реализация осуществляется следующим образом: 1. «Откровение» начинается с рассказа о том, как обстоят дела в семи церквях; эта информация содержится в форме посланий (2 : 1—3 : 14). 2. Иисус обязывает Иоанна «показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре» (1 : 1). А Иоанн, свидетельствовавший слово божие и слушавший слова пророчества, берет на себя обязательства передать все это семи церквям (1 : 1—4). 3. Агнец и ангелы пытаются заставить людей соблюдать написанное в пророчествах. Этому посвящен весь смысл наказаний за преступления против бога и людей. 4. В конечном итоге внешний мир будет коренным образом изменен. Образом измененного мира станет новый Иерусалим (21 : 1—7). 5. Общая установка из вышесказанного в «Откровении»: «Се, гряду скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей» (22 : 7).

Подобная логическая схема отсутствует в «Энеиде» Вергилия. Перед Энеем не стоит

задача выяснения каких-то глобальных проблем. Его никто не обязывает что-либо сделать. Он не пытается и других побудить к какому-либо действию. Попыток изменить внешний мир Эней не совершает. Авторская установка имеет прагматический, земной характер. Она состоит в том, чтобы показать Энею путь к счастью. Для этого история представлена как галерея исторических персонажей, деяний, создающих римскую доблесть. И вдруг история неожиданно прерывается и за перечислением следует на первый взгляд формально не связанное с предшествующим текстом заключение: «Римлянин! Ты научись управлять государством — в этом твое призвание! — налагать условия мира, милосердием корнать и смирять войною варваров!» (6 : 651—53). Целевая установка на будущее очевидна: способами выражения, логикой текста сформировано определенное мировоззрение. Поэтическая формула римской великодержавности не соответствовала реальным задачам исторической эпохи Августа и была эстетическим выражением политических целей.

В «Энеиде» применена логика убеждения иного вида, чем в «Откровении». Высказывание может утверждать или лгать, не делая никаких оценок, лишь путем постановки фактов и сразу же следствия. В «Откровении» же за этим перечнем нужно говорить о заключении. На подобную логику убеждения обратили внимание лингвисты, в частности Т. М. Николаева. Она, анализируя семантику убеждения на основе лингвотекстологического анализа речи Марка Антония над гробом Цезаря в драме Шекспира, пришла к выводу об этом механизме [6, с. 468]. Сокращенно эта текстовая формула выглядит следующим образом: после прямого восхваления убежденный Цезаря Антоний без перехода обращается к выражению негодования и оскорбления убийц-заговорщиков.

«Деяния божественного Августа» — пример аналогичной логики суждения. В «Деяниях» посредством которых он подчинил весь мир власти римского народа, обращает внимание на перечень должностей Августа. Каждая должность — воплощение общего свойства императора. Почти не фальсифицируя факты, автор рисует «образ идеального принцепса», достаточно далекий от реальной действительности» [13, с. 165]. После длинного, избыточно информативной насыщенности перечня должностей, которые исполнял Август, идет заключительная характеристика личной власти. Она выражена следующими словами:

«После этого я превосходил всех (своим) достоинством, власти же я имел ничуть не более чем те, кто были моими коллегами по каждой «администрации» [7, с. 173]. Следуя определению Т. М. Николаевой, отнесем эту ситуацию к «факторам прямых номинаций» [6, с. 470]. Суть логики намерений автора — подвести читателя к идее обоснованности имперума Августа и всей системы управления в целом.

Соглашаясь с таким определением по существу и форме, продолжим линию исследования логики доказательств в свете данных, имеющейся в античных текстах. В связи с этим представляется возможным выдвинуть еще одну гипотезу интерпретации тех же текстов. Термин «прямых номинаций», по нашему представлению, близок к широко известной в логике логической форме: риторическому силлогизму. К сути риторического силлогизма обращается Умберто Эко, когда исследует мотивную функцию побудительных сообщений. Он пишет, что для риторического силлогизма — энтимемы — характерна «не столько рациональная вероятность, сколько спланированный эффект, и в связи с этим он складывается именно как техника внушения» [14, с. 97—98]. О таком характере силлогизма свидетельствует и общая логика построения доказательства, которая имеется в античной литературе. Обратимся к произведению Аристотеля «Риторика», где интерес представляют правила построения энтимемы. По Аристотелю, энтимема — вид силлогизма, «когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно наличности какого-либо факта, то такое заключение... называется наведением» (1356 б, 14—15) [2, с. 20—21]. «Риторическое же доказательство есть энтимема и это, вообще говоря, есть самый важный способ убеждения» (1355 а, 8) [2, с. 17].

Структура построения известного фрагмента «Энеиды» Вергилия, «Деяний божественного Августа» и шекспировской интерпретации имени Марка Антония над гробом Цезаря (это историчный источник) позволяет проследить в этих текстах реализацию технологии «наведения», конечной целью которой было формирование конкретных социально-психологических установок.

Из двух интерпретаций текстов вариант риторического силлогизма представляется нам исторически более подходящим. Обратимся к воздействию эмотивной стороны текста и эмоционального состояния воспринимающего текст читателя. Текст «Откровения» производит впечатление яркого, сильного и громкого. Это впечатление формирует такие базисные

эмоции, как гнев, ненависть, отчаяние, ярость. Подобные эмоции выражают тенденции действия. Текст «Энеиды» имеет иную психологическую направленность. Он величественный, грустный и медлительный. Его базисные эмоции: печаль, страдание, страх. Логика убеждений к действию здесь не побуждает.

Несмотря на различие логик и эмоциональной направленности, «Энеиду» и «Откровение» объединяет общее намерение убедить читателя в неизбежности (обреченности) достижения целей. В обоих случаях они имеют ярко выраженную, но различную социальную направленность и духовно-нравственный потенциал. Близка и логика мышления: в обоих текстах мышление развивается по принципу противопоставления. Однако противопоставление бога и человека в античной религии не выступает в столь резкой форме, как это наблюдается в христианстве. Решение проблем отношений между богом и людьми, как и решение социальных проблем, в христианстве переносится с земли на небо, и оно уже не зависит от судьбы, а определяется богом. В нашем исследовании мы имели возможность проследить эту тенденцию на основе эмоционально-смысловой доминанты текстов художественной и религиозной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апокалипсис Петра. 11 в. // Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 215—217.
2. Аристотель. Риторика. Книга первая // Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 15—166.
3. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). М., 2000.
4. Вергилий Публий Марон. Энеида.
5. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Учеб. пособие. Мн., 1997.
6. Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.
7. Октавиан Август. Деяния божественного Августа // Хрестоматия по истории Древнего Рима: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Сост. И. А. Гвоздева, И. Л. Маяк, А. Л. Смышляев и др.; Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987. С. 165—176.
8. Откровение святого Иоанна Богослова // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1992. С. 1325—1346.
9. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
10. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. С. 242—263.
11. Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн., 2000.

12. Тронский И. М. История античной литературы: Учеб. для ун-тов и пед. ин-тов. 4-е изд., испр. и доп. М., 1983.
13. Трухина Н. Н. Принципат Августа как монархическая система // Хрестоматия по истории Древнего Рима: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Сост. И. А. Гвоздева, И. Л. Маяк, А. Л. Смышляев и др.; Под ред. В. И. Кузицина. М., 1987. С. 165—189.

14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение семиологию. М., 1988.

SUMMARY

The structural-functional analyses of the texts «Eneids» and «the Bible» was made. Their emblematic and cognition meaning emphasised. The basic conviction of the texts was revealed, and its influence on psychology of the readers was defined.

УДК 946.7

С. Я. Нова

АСАБЛІВАСЦІ ВАЕННА-ГАСПАДАРЧАЙ ГІСТОРЫІ БРЭСТЧЫНЫ Ў ЧАС ГЕРМАНСКОЙ АКУПАЦЫІ БЕЛАРУСІ 1941—1944 ГГ.

У даследаванні ваенна-гаспадарчай гісторыі Брэстчыны ў гады германскай акупацыі 1941—1944 гг. важнасць набывае аналіз арыгінальных дакументаў, перш за ўсё выніковых справаздач гебітскамісараў Брэст-Літоўска, Кобрына, Пінска. У артыкуле на аснове вывучэння гэтых дакументаў вырашаюцца наступныя задачы: 1) вызначэнне асаблівасцей падзелу тэрыторыі Брэсцкай і Пінскай абласцей паміж рэйхскамісарыятамі Остланд і Украіна скрозь прызму ўтварэння Брэст-Літоўскай, Давыд-Гарадоцкай, Кобрынскай, Пінскай і Столінскай акруг; 2) аналіз дзейнасці гебітскамісарыятаў Брэст-Літоўска, Кобрына і Пінска па выкананні ваенна-эканамічных дырэктыў у вобласці «вядзення гаспадаркі» на акупіраванай тэрыторыі Брэстчыны 1941—1944 гг.

Канец жніўня і пачатак верасня 1941 г. быў для акупіраванай Брэстчыны, як і для ўсёй Беларусі, часам іх тэрытарыяльнага падзелу і адміністрацыйнай рэарганізацыі. Дакументы пацвярджаюць, што арганізацыйнае афармленне органаў цывільнай адміністрацыі на новазанятых усходніх тэрыторыях пачалося ў адпаведнасці з «Указам фюрэра аб кіраванні на новазанятых усходніх тэрыторыях» ад 17.07.1941 г. [1, s. 186—188]. Адпаведна загаду, па заканчэнні ваенных аперацый занятая тэрыторыя павінна была перайсці ад ваеннага ў цывільнае падпарадкаванне генеральных, гапоўных і акруговых камісарыятаў. Аднак непасрэдна ўключэнне Беларусі ў склад рэйхскамісарыятаў Остланд і Украіны адбывалася на аснове асобных загадаў вышэйшага кіраўніцтва нацысцкай Германіі — «першага» [1, s. 189—190; 2, s. 146—147] і «другога» [1, s. 195; 2, s. 147—148] указаў фюрэра, адпаведна ад 17 ліпеня і 20 жніўня 1941 г. Імі вызначаліся і новыя тэрытарыяльныя межы, у рам-

ках якіх прадугледжвалася палітыка так званай цывільнай адміністрацыі. Канчатковая лінія падзелу паміж рэйхскамісарыятамі Украіна і Остланд замацоўвалася «на поўнач ад Лунінец — Пінска — Кобрына — Брэста» [1, s. 196].

1 верасня 1941 г. тэрыторыя Брэсцкай і Пінскай абласцей пераходзіць ад ваеннай да цывільнай адміністрацыі, што адразу азначае ўключэнне ў якасці паўночнай часткі генеральнай акругі Валынь-Падолія, кіраўніцтва якой да пачатку 1942 г. знаходзілася ў Брэсце [3, s. 166]. На 25 верасня 1941 г. акругу па плошчай каля 20 200 км² утваралі Брэст-Літоўскі, Давыд-Гарадоцкі, Кобрынскі, Маларыцкі і Пінскі гебітскамісарыяты, пад уладай якіх знаходзілася амаль 750 тыс. чал., ці шостая частка насельніцтва, і чвэрць усёй тэрыторыі генеральнай акругі [3, s. 165]. Такое адміністрацыйнае палажэнне захоўвалася да 1944 г., калі акругі былі ўключаны ў склад генеральнага камісарыята Беларусь у Мінску з непасрэдным падпарадкаваннем усходняму міністэрству на чале з А. Розенбергам.

Адной з першых была ўтворана Брэст-Літоўская акруга, куды ўваходзілі раёны Брэст, Дамачова і Маларыты. Да канца года ў гэтым складзе перадаюцца яшчэ 2 раёны: Матыкальскі і Жабінкаўскі. Пры гэтым апошні быў выдзелены з Кобрынскай акругі, а Матыкальскі адыйшоў ад акругі Беласток, якая ўваходзіла ў склад усходняй Прусіі [4, к. 001301]. З выяўленых крыніц вынікае, што спачатку існавалі Брэст-Гарадзкі і Брэсцкі раённы асобныя камісарыяты, на чале якіх стаялі немцы, — Курт Ролэ і Франц Бурат. Пасля ліквідацыі гарадскога камісарыята ў кастрычніку 1942 г. гебітскамісарыят Брэст-Літоўска да канца акупацыі ўзначальваў Ф. Бурат [3, s. 165].

Па стане на 25.09.1941 г. у рэйхскамісарыяце Украіна была зацверджана тэрытарыяльная